

Конфигурация причинной связи при бездействии обязанного лица

Владислав В. Радов^{а, @}

^а Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург

[@] vv-radov@mail.ru

Поступила в редакцию 18.08.2020. Принята к печати 08.09.2020.

Аннотация: Рассматриваются теоретические и правоприменительные проблемы содержания и возможности установления причинно-следственной связи в неосторожных преступлениях при бездействии обязанного лица. В доктрине уголовного права, несмотря на единое философское понимание причинности в рамках диалектического материализма, ученые приходят к полярным позициям об отсутствии и о наличии причинной связи при бездействии. Сегодня противоположные подходы отстаивают профессор В. Б. Малинин и профессор З. Б. Соктоев. Автор статьи подвергается критике теоретические разработки ученых в отношении «золотого правила причинности» для случаев бездействия, системного характера причины при бездействии, а также непризнания бездействия условием общественно опасного результата. Впервые предпринимаются попытки экстраполяции достижений релятивистской философии о причинной связи к пониманию связи между невыполнением профессиональной или должностной обязанности лица и наступившим общественно опасным последствием. Обосновывается наличие в таких ситуациях обуславливающей связи, рассматриваются варианты ее соотношения с причинной связью. Доктринальные споры отражаются в правоприменении, поэтому на основании новейшей судебной практики анализируются позиции судов относительно юридического содержания и правовых последствий установления не прямой, косвенной, опосредованной причинно-следственной связи. Обясняется нецелесообразность расширения категории причинной связи для целей уголовно-правовой квалификации ввиду нетождественного понимания причинно-следственной связи в юридической науке и естествознании. Поднимаются вопросы о значении выводов судебно-медицинских экспертиз по делам об ятрогенных преступлениях применительно к причинной связи, их оценке судом. Вопросы причинной связи рассматриваются только для такого бездействия, которое выражено в невыполнении профессиональных или должностных обязанностей в неосторожном преступлении, поэтому автор не претендует на исключительность выводов для учения о причинной связи в целом. Представляется целесообразным при исследовании вопросов причинной связи ориентироваться на высказанный академиком В. Н. Кудрявцевым тезис о том, что «конфигурация причинной связи (ее деятельность, привходящие силы и др.) не одинакова в разных составах или группах преступлений».

Ключевые слова: причинно-следственная связь, обуславливающая связь, квалификация преступлений, ятрогенные преступления, не оказание медицинской помощи, релятивистская философия, судебная практика

Для цитирования: Радов В. В. Конфигурация причинной связи при бездействии обязанного лица // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 3. С. 278–286. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-278-286>

Введение

Уголовный закон является самым репрессивным средством государства по обеспечению законности и правопорядка, что требует точности его формулировок и единообразного понимания как правоприменителем, так и лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности. Это может обеспечить соблюдение принципа определенности уголовно-правового запрета, который отсутствует в понимании причинно-следственной связи при бездействии, т. к. уголовный закон не регламентирует определение признаков состава преступления, а в юридической науке отсутствует сколько-нибудь единое понимание причинной связи в целом.

В уголовном праве России стало аксиоматичным утверждение о том, что между деянием и последствием в преступлениях с материальным составом обязательно имеет место причинная связь [1, с. 144; 2, с. 75]. Вместе с тем ее признание при бездействии все еще остается спорным.

В 1945 г. профессор М. Д. Шаргородский обосновал в своей докторской диссертации отсутствие причинной связи при бездействии [3]. А уже в 1949 г. Т. В. Церетели также на уровне докторской диссертации настаивала на обратном [4]. И сегодня ученые в подобных исследованиях дополняют либо первый подход [5], либо второй [6].

Научная дискуссия состоит в главном вопросе: *Причиняет ли бездействие вред?* Как правило, ученые придерживаются одной из двух полярных позиций: одна группа стоит на позиции акаузальности бездействия [7], другая группа утверждает, что бездействие причиняет общественно опасные последствия [8, с. 186]. Отсюда вопрос наличия причинно-следственной связи при бездействии переходит в прямую зависимость от наличия или отсутствия причиняющей силы деяния в форме бездействия. Следовательно, если признать, что бездействие обладает генетическим началом, т. е. способно порождать изменения

в другом объекте, то причинная связь есть. В противном случае она исключается.

В уголовно-правовой науке бездействие является одной из форм выражения преступного деяния, которое характеризуется как общественно опасный волевой сознательный акт человеческого поведения. Одним из ученых, не признающих за бездействием главный признак деяния – акт поведения, является профессор В. Б. Малинин. Его аргументация сводится к тому, что бездействие есть категория юридическая, а действие – объективная, поэтому их сравнение является абсурдным. Так, В. Б. Малинин справедливо подчеркивает, что действие и бездействие не составляют дихотомию, поскольку юридическое бездействие вполне может быть и физическим действием, и «ничего неделанием», тогда как юридическое действие выражается исключительно физическим действием [5]. Заметим, что такая позиция основана исключительно на подходе, в соответствии с которым деяние действует или не действует в материальном мире.

Иначе рассматривая характер деяния, профессор З. Б. Соктоев настаивает, что его специфика состоит «не столько в изменениях, производимых на физическом уровне (в материальном, вещно-событийном мире), сколько на социальном и правовом уровнях» [6, с. 16]. Исходя из чего делает вывод об отсутствии существенных различий между действием и бездействием как формами преступного поведения.

Аргумент против каузальности бездействия – невозможность нарушения им физического мира. Аргумент за каузальность – возможность бездействия *причинять* на социальном и правовом уровне.

В обоих обозначенных подходах рассмотрение вопросов причинной связи при бездействии осуществляется исключительно на основании существа этой формы преступного деяния. Игнорируется понимание собственно причинной связи, ее современного философского и юридического содержания, а также значения, придаваемого причинной связи судами в правоприменительной практике. Более того, основная задача в исследовании причинной связи, как справедливо подчеркивал академик В. Н. Кудрявцев, состоит в том, чтобы «найти объективные пределы уголовной ответственности» [9, с. 254].

Противоречивость имеющихся подходов к пониманию причинности

Обратимся к философскому пониманию причинности. Известные виды причинной связи могут быть обозначены следующим образом: (1) причинность как линейная зависимость, при которой один объект (причина) вызывает изменения в другом объекте (следствие); (2) причинность как взаимодействие двух объектов, в результате которого изменения происходят в каждом из них. Профессор философии В. Г. Борзенков утверждает, что причинность (каузальность) есть «отношение необходимого "порождения", "вызывания" и пр. изменения некоего объекта в результате материального воздействия на него др. объекта» [10, с. 463]. Такое определение вообрало в себя ранее

высказанные мнения многих мыслителей. Философ П. А. Гольбах писал: «Причина – это тело или явление природы (*être*), приводящее в движение другое тело или производящее в нем какое-нибудь изменение. Следствие – это изменение, произведенное каким-нибудь телом в другом теле при помощи движения» [11, с. 68]. Отсюда диалектический материализм исходит из того, что «причинная связь имеет место лишь тогда, когда то явление, которое предшествует во времени другому, вызывает, порождает это другое явление» [12, с. 118]. Данный подход более других получил развитие в теории уголовного права. *De facto* причинно-следственная связь в таком понимании рассматривается как цепь явлений, где один элемент цепи производит изменения в другом, потому что главное свойство причины состоит в способности «порождать», влечь изменения в другом явлении, предмете.

Основываясь на обозначенном философском понимании причинности, ученые на уровне диссертационных исследований приходят к противоположным выводам.

В. Б. Малинин принимает за отправную точку философское объективное понимание причинности как всеобщего закона общества и природы, поэтому категорически настаивает на недопустимости специальной уголовно-правовой причинности, а также на невозможности бездействия *причинять*. По мнению ученого, бездействие не связано с последствием, потому что нарушается лишь юридическая обязанность, а не конкретный материальный предмет. Однако с этим трудно согласиться ввиду присутствия событий (бездействие и обусловленная им смерть человека) в одной и той же системе, где, учитывая закон всеобщей связи, между ними должна быть связь.

З. Б. Соктоев, также признавая философскую основу причинности, пишет о неизбежности ее специальной модификации и необходимости создания учения о юридически значимой причинной связи. Ученый не только дополняет объективную причинность применительно к целям и специфике уголовного права, но и значительно расширяет философское понимание причины, рассматривая ее как системную причину, т. е. взаимодействие деяния лица с иными необходимыми условиями, что, как утверждается, и генерирует вредный результат. Однако еще П. А. Гольбах писал: «Те тела или существа, которые не могут воздействовать на наши органы ни непосредственно, т. е. сами по себе, ни опосредованно, т. е. через другие тела, не существуют для нас, ибо они не в состоянии воздействовать на нас и, следовательно, доставлять нам идеи и не могут стать предметом нашего познания и суждения» [11, с. 68–69]. Следовательно, понимание причины как системного образования, включающего бездействие, сомнительно, иначе надо признавать и условия в качестве причины, но они лишь взаимодействуют с причиной, как и указывает ученый, но не порождают самостоятельно. В таком случае происходит смешение причин и условий, что не позволяет дать точную уголовно-правовую оценку.

Здесь и далее мы будем рассматривать в качестве примера бездействие врача, обязанного оказать квалифицированную

медицинскую помощь, и смерть пациента, наступившую в связи с таким бездействием. Смоделируем ситуацию: потерпевший П. с ножевым ранением попадает в больницу, где врач М. в силу небрежности отказывает ему в оказании медицинской помощи, хотя несет обязанность и обладает возможностью оказать квалифицированную медицинскую помощь, позднее пациент умирает от потери крови. Как правило, в содеянном усматриваются признаки материального состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ.

С позиции В. Б. Малинина, врач не причинил и не мог причинить смерть П., но уголовную ответственность несет за невыполнение юридической обязанности. Между деянием М. и смертью П. отсутствует связь, поэтому ученый настаивает на корректировке законодательной конструкции ст. 124 УК РФ.

С позиции З. Б. Соктоева, врач причинил смерть П. именно при наличии указанных условий, т. к. невыполнением своей юридической обязанности посягнул на социальные отношения и нарушил правовой уровень реальности. Между деянием М. и смертью П. наличествует причинная связь.

Таким образом, ученые отдают пониманию бездействия определяющее значение в констатации наличия или отсутствия причинного отношения и связи между событиями.

В первом приближении трудно найти иную оценку ситуации, но, как гласит вторая теорема о неполноте известного математика К. Гёделя, «логическая полнота (или неполнота) любой системы аксиом не может быть доказана в рамках этой системы. Для ее доказательства или опровержения требуются дополнительные аксиомы (усиление системы)» [13]. Применительно к праву подобную мысль высказывает профессор И. Л. Честнов: «Ко всему прочему сугубо с научной точки зрения право не может быть обосновано "из самого себя", а только с позиций некоторой метасистемы – общества. Поэтому юридическая наука может претендовать на обоснованность своих положений лишь в том случае, если она основывается на положениях социальной философии» [14, с. 214]. На наш взгляд, в подходах ученых в отношении причинной связи при бездействии есть внутренние противоречия, которые трудно разрешить внутри избранной системы, ее необходимо усилить.

Первый подход представляется противоречивым в той части, что между бездействием и последствием нет связи, но обязанность оказывать медицинскую помощь конкретному потерпевшему П. была именно у данного врача М., которую он не исполнил, чем допустил смерть, соответственно, события связаны. Более того, смерть больного будет вменена именно врачу М.

Второй подход противоречив в другом, а именно в том, что бездействие является причиной только при наличии уже имеющейся причины (Л. А. Зимирева называет данную особенность «причинным комплексом» [15, с. 194]). В рамках данного подхода удар ножом при бездействии врача также признается причиной смерти потерпевшего [16, с. 54]. Но по утверждению ученых, собственно бездействие является, пусть и пассивной, но причиной смерти. Также представляется спорной сама возможность

причинения вреда на социальном (или правовом) уровне ввиду наличия логической ошибки: причинно-следственная связь выстраивается учеными не от деяния к последствию, а от деяния к общественным отношениям. Иначе говоря, признавая указанные уровни окружающей действительности, выходит, что причинно-следственная связь устанавливается от общественно опасного деяния к объекту уголовно-правовой охраны, потому что причинение вреда на социальном или правовом уровне конкретному предмету преступления (человеку) объективно невозможно. Напомним, в данном случае мы рассматриваем конфигурацию причинно-следственной связи при бездействии именно в рамках преступления против жизни и здоровья человека, в которых по ставшему аксиомой утверждению связаны именно деяние и последствие в объективной стороне. Тогда как преступление против такого объекта своим последствием имеет нарушение здоровья или лишение другого человека жизни.

Бездействие является условием, но не причиной: взгляд релятивистской философии

Возникает справедливый вопрос: как именно события (деяние и последствие) могут быть связаны в таком случае и какова характеристика связи при бездействии? Диалектический материализм среди детерминационной зависимости выделяет не только причинную связь, но и функциональную. Первая характеризуется объективным отношением порождения одних вещей и явлений другими, генетической обусловленностью изменений. Вторая характеризует объективное отношение соответствия, отображения между взаимосвязанными вещами и явлениями, их свойствами и состояниями, параллелизм и координацию их изменений [17, с. 52]. И. Я. Лойфман определял ее так: «функциональность прямо или опосредованно связана с причинностью, всегда с ней сопряжена. Сопряжение функциональности и причинности обнаруживается в каждой категориальной паре, что позволяет подобные пары считать закономерным выражением атрибутивной детерминированности материи» [17, с. 13]. То есть хотя условия и связаны с причиной, они не способны запустить причинную связь, а находятся с иными явлениями в функциональной (обуславливающей) связи. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что «различия между причиной и условиями ... малопродуктивны в деле выявления юридически значимой причинной связи» [6, с. 14–15].

Философское понимание причины свидетельствует о ее «причиняющем» характере, который отсутствует при чистом бездействии в реальном (физическом) мире. Исходя из этого, считаем важным к составу преступления преломлять оба указанных вида детерминационной зависимости по критериям: если деяние признается причиной, то связь причинная; если деяние признано лишь условием, то связь обуславливающая. Именно поэтому остается важным разграничение условий и причин, т. к. от того, чем являлось деяние в конкретном случае, причиной или условием, будет зависеть решение вопроса объективных оснований индивидуализации ответственности [9, с. 255].

Сущность причинной связи для уголовного права была раскрыта еще в советский период и может быть сведена к следующему: исследуя связь причины и следствия, мы выделяем одно звено в цепи всеобщей взаимосвязи и временно отвлекаемся от других связей. Например, выделив преступное бездействие и наступившую смерть в приведенном казусе, мы убедимся в отсутствии причинного отношения между ними. Однако такие рассуждения совершенно не отрицают наличие иного отношения между ними, ибо бездействие может иметь обуславливающий характер в конкретной системе, ситуации, т. е. выступить хотя не причиной, но условием (последнее признается приверженцами обоих подходов). Признание допустимости наличия между деянием и последствием не только причинной, но и функциональной (при бездействии) связи позволит избежать:

- исключения уголовной ответственности при преступном бездействии (при его акаузальности);
- искусственной расширительной модификации причинной связи применительно к уголовному праву при бездействии (при его каузальности).

Хотя ученые применяют положения философии, они основываются исключительно на общих положениях о причинной связи, разработанных еще Аристотелем [18], как о линейной (иногда структурной) последовательности причины и следствия в разных ее проявлениях, в том числе целевой причины. Более того, профессор Т. Г. Понятовская категорично утверждает, что, несмотря на динамичное изменение законодательства, социальных и экономических условий, со времен дореволюционного ученого уголовного права Н. С. Таганцева представления о сущности причинной связи, ее содержания и уголовно-правовом значении никак не изменились, что объясняется ее объективным характером «доступным лишь философским методам познания окружающего мира» [1, с. 151]. При этом за довольно длительный период непримиримого обсуждения вопросов причинной связи при преступном бездействии существенным образом изменились методологические подходы к ее изучению ее философское понимание.

С позиций философского релятивизма причинная связь рассматривается совершенно иначе: как нисходящая системная связь – от следствия к причине. *De facto* причина есть следствие *in potentia*. Современный философ А. В. Болдачев пишет: «Когда мы замечаем, что после изъятия одного из элементов темпоральной системы (скажем, какого-либо события из процесса или результата из деятельности) дальнейшие события не наступают, мы заключаем, что изъятая событие является причиной всех последующих. Хотя понятно, что, удалив один из элементов системы, мы попросту ее разрушили. Ведь если в логически подобной ситуации с пространственными системами мы видим, что после изъятия одного из элементов (к примеру, атома из кристаллической решетки или игрока с футбольного поля) разрушается вся система, мы же не делаем вывод, что изъятый элемент был причиной других элементов <...> То есть причинно-следственные связи не хронологические,

а всегда темпорально-иерархичны» [19, с. 94–95]. Исходя из такого подхода, представляется трудным рассмотрение причинной связи в уголовном праве в целом, однако некоторые нерешенные проблемы объяснимы именно исходя из выводов релятивистской философии. В данном подходе мы должны рассматривать события (причину и условия), определившие следствие, именно в их системе, а не в линейной или структурной последовательности (причинной цепи).

Исходя из системы связей, имеющих место в рассматриваемом примере, считаем, что поступление потерпевшего в больницу и наличие возможности оказания ему квалифицированной медицинской помощи является нормальным порядком функционирования данной конкретной системы, что регламентировано ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», правилами оказания медицинской помощи, должностной инструкцией врача. Бездействие врача очевидно не причинило смерть, а лишь допустило ее при нарушении сложившихся правоотношений. Однако это обстоятельство не переводит условие в виде бездействия в причину, как указывает З. Б. Соктоев, ибо чистое бездействие не может стать причиной, о чем обоснованно пишет В. Б. Малинин. Вместе с тем трудно согласиться с последним в том, что при бездействии совершенно не работает «золотое правило причинности», ведь «исключив или оставив бездействующего, результат не изменится» – пишет ученый, исходя из чего заключает, что бездействие не может быть ни причиной, ни условием [20, с. 210].

Мы предполагаем, что в неосторожных преступлениях при неисполнении профессиональных (или должностных) обязанностей «золотое правило» работает иначе: при установленной юридической обязанности и реальной возможности лица действовать нам нужно не просто мысленно извлечь бездействующего, а заменить его бездействие необходимым поведением, которое предполагается в данной системе общественных отношений. В случае если такая замена приводит к тому, что общественно опасный результат будет предотвращен, бездействие и следствие связаны обуславливающей связью. Отсюда преступное бездействие несомненно следует признать условием.

Более того, распространенная в науке теория *conditio sine qua non* является как минимум трудноприменимой в преступлениях при бездействии, в частности предусмотренных ст. 124 и ст. 293 УК РФ. Бездействие здесь может выступать не *условием, без которого не наступит результат*, а *условием, допускающим результат*, т. е. не предотвращающим его. Именно поэтому важным остается то, что уголовная ответственность может быть возложена на лицо только тогда, когда надлежащее выполнение профессиональных обязанностей исключало бы наступление результата. Тогда как причиной результата (*conditio sine qua non*) признается иное событие – то, которое запустило причинную связь к преступному последствию.

Нередко даже суд, называя ее причинно-следственной, описывает обуславливающую связь и прямо указывает на иную причину, запустившую связь к последствию в виде смерти:

«... именно действия С., не обнаружившего признаков острой коронарной недостаточности при обследовании пациентки, описании результатов ЭКГ, не усмотревшего оснований для госпитализации и послужили причиной для возникновения последующих дефектов в оказании медицинской помощи потерпевшей, что привело к ее смерти в автомобиле по дороге из медицинского учреждения домой»¹.

Кроме этого, обозначенная модель позволяет обоснованно вменять одно преступное последствие (например, смерть одного человека) разным лицам при отсутствии как соучастия, так и сопричинения². Д. А. Мелешко на примере должностной халатности (ст. 293 УК РФ) совершенно справедливо замечает, что преступные последствия «могут наступать не только по причине допущенных должностным лицом упущений, но и в связи с такими упущениями» [21, с. 77].

Таким образом, признание бездействия врача причиной и установление причинно-следственной связи от бездействия к последствию видится обоснованным. Бездействие может выступать преступным условием, допустившим наступление общественно опасного последствия. Отсюда констатируем, что абстрактная модель объективной стороны состава преступления не требует наличия причинного отношения между неправомерным поведением субъекта преступления и неблагоприятным последствием. Уголовный закон, не регламентируя понимание состава преступления, допускает достаточность функциональной связи между деянием и последствием, тем более для неосторожных преступлений при нарушении профессиональных обязанностей, в том числе при не оказании врачом помощи больному (ст. 124 УК РФ).

Такая связь в правоприменительной практике нередко именуется опосредованной, не прямой причинно-следственной, хотя и не является таковой по своей природе. Ранее Ю. В. Голик замечал, что с позиции точных наук связь между причиной и следствием не исчерпывается собственно причинной зависимостью и что «в социальных системах это проявляется не столь заметно, но все же проявляется, и в будущем таких случаев будет все больше и больше» [22, с. 36]. Примечательно, что еще в 1986 г. Г. В. Тимейко в докторской диссертации, подчеркивая несостоятельность имеющихся теорий причинной связи, писал, что «почти все исследователи вместо того, чтобы четко провести грань между причинной связью и иными видами объективной связи, имеющими юридическое значение, пытаются все эти случаи во чтобы то ни стало подвести под "причинение", и на этой основе создать особые критерии причинной связи в уголовном праве» [23, с. 28].

Интересен вопрос, впервые поднятый П. С. Дагелем [24, с. 28] и вновь поставленный в очерке А. А. Музыки и С. Р. Багирова: «Надо или сохранять за причинной связью значение необходимой порождающей связи и вводить

в оборот уголовно-правовой науки новую категорию "обуславливающая связь", или расширить понимание причинной связи в науке уголовного права, включив в него и обуславливающую связь» [25, с. 49]. Соавторы очерка, ссылаясь на положения некоторых точных наук о тенденции к расширению дефиниций, поддержали вторую позицию. Такое решение проблемы, хотя и научно обоснованное, трудно признать целесообразным и практико-ориентированным, тем более при разрешении вопросов квалификации ятрогенных преступлений – преступлений, совершенных медицинскими работниками против жизни и здоровья человека вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (например, ч. 2 ст. 124 УК РФ), когда сталкивается юридическое и медицинское понимание рассматриваемой связи.

Причинная связь в смысле, придаваемом ей судами

В настоящее время судебная практика при решении вопросов причинной связи при бездействии (невыполнении профессиональных обязанностей) *de facto* основывается на экспертном заключении. Применительно к делам об ятрогенных преступлениях решающим становится заключение комиссии судебной судебно-медицинской экспертизы.

Причинная связь в данном случае приобретает особое междисциплинарное значение: (1) юридическое и медицинское, (2) уголовно-правовое и гражданско-правовое.

1. Судебно-медицинские эксперты, как правило, устанавливают этиологию заболевания, причинно-следственную связь в ее непосредственном медицинском смысле, ее прямой или опосредованный характер, ее наличие или отсутствие. Тогда как суд, разрешая вопросы права, должен устанавливать причинно-следственную связь как юридическую категорию – элемент объективной стороны состава преступления. Однако суд в основном лишь ссылается на заключение эксперта³.

В редких случаях суд не соглашается с заключением судебно-медицинского эксперта об отсутствии причинно-следственной связи, устанавливая ее самостоятельно даже при рассмотрении дел об ятрогенных преступлениях. Известна ситуация, когда врач неправомерно констатировал биологическую смерть, не провел реанимационные мероприятия (бездействовал), что не предотвратило наступление смерти больной. В приговоре суда по данному делу указаны выводы эксперта: «Поскольку смерть Г. наступила от заболевания, то дефекты оказания медицинской помощи сами по себе могут быть не причиной, а лишь неблагоприятным условием, способствующим переходу клинической смерти в биологическую. <... > Поскольку смерть Г. наступила от заболевания, а выявленные дефекты оказания медицинской помощи не оказали какого-либо влияния на его течение, прогрессирование и наступление клинической смерти,

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 04.09.2014 по делу № 22-5055/2014 // СПС КонсультантПлюс.

² См. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 28.07.2016 № 22-2359/2016 // СПС КонсультантПлюс; Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 03.03.2015 № 22-585/2015 // СПС КонсультантПлюс.

³ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16.08.2016 по делу № 33-9745/2016 // СПС КонсультантПлюс.

то причинно-следственная связь между дефектами и наступлением летального исхода Г. – отсутствует»⁴. Впоследствии суд отверг данные выводы и пришел к собственным – о наличии причинной связи, признав врача виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ, с чем согласился суд апелляционной инстанции⁵.

2. Если экспертами констатирована непрямая причинно-следственная связь или отсутствие связи именно в рамках производства по уголовному делу, то впоследствии потерпевший лишается судебной защиты и при взыскании компенсации морального вреда⁶. Основанием к отказу в удовлетворении исковых требований является факт отсутствия или не прямой характер причинной связи между деянием врача и неблагоприятным исходом в виде смерти или вреда здоровью.

Одно из практикообразующих решений в данной сфере было вынесено Верховным Судом РФ (ВС РФ). Суд первой инстанции отказал во взыскании компенсации морального вреда, разъяснив правовую сущность причинной связи: «как в уголовном праве, так и в гражданском праве наличие не прямой (косвенной, опосредованной) причинной связи означает, что это деяние лежит за пределами юридически значимой причинной связи»⁷. Истец оппонировала такому выводу в апелляционной жалобе тем, что для «возникновения деликтной ответственности достаточно любой причинной связи, а не прямой между действием и наступлением вреда». Суд апелляционной инстанции признал доводы истца несостоятельными и дополнительно разъяснил: «действие только тогда является причиной возмещения вреда, когда оно прямо и непосредственно соотносится с ним. Наличие же косвенной (опосредованной) связи между действием причинным ущербом означает, что действие находится за пределами конкретного случая и за пределами юридически значимой связи между действием и наступлением вреда»⁸.

Данное дело представляет научный интерес уже потому, что Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, не согласившись с нижестоящими судами по вопросам причинной связи, сделала важный для дальнейшей правоприменительной практики вывод: «закон не содержит указания на то, что должна быть только прямая причинная связь»⁹. Вывод суда основан на складывающейся практике, т. к. в последние годы достаточность опосредованной причинно-следственной связи неоднократно подтверждалась судами и при рассмотрении уголовных дел¹⁰. Приведенный тезис ВС РФ можно рассматривать в качестве расширения дефиниции причинной связи путем включения в нее

связи функциональной. Нередко суд, описывая признаки функциональной связи¹¹, вынужден называть ее причинно-следственной: «... ненадлежащим образом оказанная медицинская помощь со стороны челюстно-лицевого хирурга явилась основным моментом, определившим и обусловившим развитие гнойных осложнений в области ранения, которые привели к наступлению смерти»¹².

Междисциплинарный характер причинной связи требует ее тождественного понимания и в праве (как гражданском, так и уголовном), и в медицине, и в экспертной деятельности (а значит в естествознании). Такого идентичного понимания на сегодняшний день нет: эксперты понимают причинную связь в узко непосредственном смысле, а юристы помимо этого включают в нее обуславливающую связь. Следовательно, расширение содержания причинной связи способствует увеличению дифференциации в понимании причинно-следственной связи разными участниками уголовного судопроизводства. Например, известны случаи, когда судебно-медицинский эксперт справедливо признает отсутствие причинной связи между бездействием врача и смертью пациента, который умер по причине заболевания, а значит деяние врача – не причина. Однако суд отверг выводы эксперта и признал наличие причинно-следственной связи. Такие случаи являются проявлением различного понимания причинной связи.

На основании изложенного мы полагаем, что имеющаяся судебная и экспертная практика требуют либо расширения категории причинной связи в иных науках (по примеру юриспруденции), либо признания между бездействием и последствием обуславливающей не причинной связи в составе преступления. При этом мы не настаиваем на введении данного термина в правоприменительную деятельность, а лишь предлагаем устанавливать, что последствие наступило в связи с бездействием обязанного лица. Такая формулировка позволит правоприменителю и лицам, содействующим правосудию, апеллировать к единообразно понимаемым словам, что исключит противоречия в вопросах установления связи между бездействием и последствием, снимет вопрос о не прямом (косвенном) характере связи при бездействии и юридическом значении последней.

Заключение

Исследование вопросов причинной связи, как писал профессор Н. Д. Сергеевский [26, с. 4], нередко становится проявлением субъективного произвола конкретного ученого. Помня об этом и отталкиваясь от вывода академика

⁴ Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 17.05.2019 по делу № 1-22/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Апелляционное определение Тюменского областного суда от 11.07.2019 по делу № 22-1496/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28.10.2019 № 78-КГ19-42 // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 06.09.2018 по делу № 2-3916/2018-М-3758/2018 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Апелляционное определение Белгородского областного суда от 27.11.2018 по делу № 33-6482/2018 // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.01.2020 № 57-КГ19-7 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 12.08.2019 по делу № 22-2130/2019 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Приговор Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 07.07.2017 по делу № 1-56/2017 // СПС КонсультантПлюс.

¹² Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 26.02.2018 по делу № 44у-39/2018 // СПС КонсультантПлюс.

В. Н. Кудрявцева о неодинаковости конфигурации причинной связи в разных группах преступлений, мы рассмотрели только те вопросы, которые имеют место при бездействии обязанного лица в неосторожных преступлениях. Именно в этих ситуациях квалификация содеянного как преступного ставится в прямую зависимость от установления причинной связи, ибо иные признаки состава преступления, как правило, наличествуют.

Первостепенное значение в исследовании причинной связи при бездействии надлежит отдавать не столько характеру бездействия (его каузальности), сколько пониманию связей между деянием и последствием. Имеют место достаточные теоретические и прикладные основания для того, чтобы понимать связь между преступным деянием и общественно опасным последствием в качестве не только причинного отношения, но и функционального.

В неосторожных преступлениях (например, ст. 124, ст. 293 УК РФ) невыполнение обязанности надлежит признать условием, допустившим преступный результат. Причиной последствия в таких случаях является то обстоятельство, которое запустило собственно причинную связь (развитие заболевания, умышленные действия других лиц). В таких преступлениях при невыполнении обязанности «золотое правило», которым определяется значение

деяния для преступного результата, работает иначе: надлежит не исключать бездействие виновного лица, а заменять его на необходимое в этой системе действие. Если при наличии необходимого действия результат может быть предотвращен, значит бездействие данного лица находится в обуславливающей связи с последствием.

Судебная практика исходит из более широкого понимания причинной связи, поскольку правоприменитель *de facto* включает обуславливающую связь в категорию причинной. Данная тенденция предопределяет различное понимание причинной связи в юридической науке и в естествознании, поэтому в ситуациях, где эксперт устанавливает отсутствие собственно причинной связи, суд может установить юридически значимую связь и признать ее достаточной для привлечения к ответственности.

По делам о неосторожных преступлениях при бездействии, в том числе по предусмотренным ст. 124 УК РФ, достаточно установить, что бездействие обязанного лица явилось условием, допустившим общественно опасный результат, т. е. находится в связи с последствием. При таком подходе спорность непрямой причинно-следственной связи в подобных ситуациях не будет оказывать решающего значения в разграничении преступного и не преступного.

Литература

1. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М.: Проспект, 2006. 520 с.
2. Уголовная ответственность и состав преступления как ее основание // Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2009. С. 60–79.
3. Э-н. Защита проф. Шаргородским докторской диссертации о преступлениях против личности: [Во Всесоюзном институте юридических наук] // Социалистическая законность. 1945. № 6. С. 42–43.
4. И. Г. Причинная связь в уголовном праве (Диссертация Т. В. Церетели): [В Институте права Академии Наук СССР] // Советское государство и право. 1949. № 9. С. 69–72.
5. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 410 с.
6. Соктоев З. Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 408 с.
7. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 215 с.
8. Уголовное право России. Общая часть / под ред. О. С. Капинус. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 704 с.
9. Кудрявцев В. Н. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2000. – 315 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 2. С. 254–256.
10. Борзенков В. Г. Причинность // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 463–464.
11. Гольбах П. А. Избранные произведения в двух томах / под общ. ред. Х. Н. Момджяна. М.: Соцэкгиз, 1963. Т. 1. 715 с.
12. Арефьева Г. С., Бутенко А. П., Зотов А. Ф. Диалектический и исторический материализм / под общ. ред. С. М. Ковалева. 4-е изд. М.: Политиздат, 1971. 367 с.
13. Беклемишев А. Д. Теоремы Гёделя о неполноте и границы их применимости. I // Успехи математических наук. 2010. Т. 65. № 5. С. 61–106. DOI: 10.4213/rm9378
14. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.
15. Зимирева Л. А. Причинная связь в преступлениях против жизни: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 228 с.
16. Зимирева Л. А. О влиянии привходящих явлений на течение причинно-следственной связи // Уголовное право. 2015. № 1. С. 54–58.
17. Лойфман И. Я. Дух диалектики (теоретико-методологические проблемы). Екатеринбург: УрГУ, 2000. 104 с.
18. Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Перлова, В. В. Розанова. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 227 с.

19. Болдачев А. В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. М.: URSS; ЛЕНАНД, 2011. 223 с.
20. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. 315 с.
21. Мелешко Д. А. Смерть человека как квалифицирующий признак халатности должностных лиц органов опеки и попечительства // Уголовное право. 2017. № 5. С. 77–80.
22. Голик Ю. В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы // Философия уголовного права / сост. Ю. В. Голик, А. Ю. Голик. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 6–52.
23. Тимейко Г. В. Проблемы общего учения об объективной стороне преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. 44 с.
24. Дагель П. С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. 1981. № 34. С. 28–37.
25. Музыка А. А., Багиров С. Р. Причинная связь: уголовно-правовой очерк. Хмельницкий: Изд-во Хмельницкого университета управления и права, 2009. 112 с.
26. Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ч. I: Теория причинной связи и ее значение в уголовном праве // Временник Демидовского Юридического Лицея. Ярославль, 1880. Кн. 21. С. 1–130.

original article

Chain of Causation: Omission Committed by the Obligor

Vladislav V. Radov^{a,*}^a Saint-Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Public Prosecution Office of the Russian Federation, Russia, St. Petersburg

* vv-radov@mail.ru

Received 18.08.2020. Accepted 08.09.2020.

Abstract: The article deals with theoretical and law-enforcement problems of establishing the chain of causation in crimes of omission committed by the obligor. The doctrine of criminal law developed an unambiguous philosophical understanding of causality within the framework of dialectical materialism. However, such scientists as Prof. V. B. Malinin and Prof. Z. B. Soktoev came to polar conclusions about the absence and presence of a causal relationship in cases of criminal omission. The author criticizes the so-called golden rule of causality in cases of omission and the comprehensive reason for omission. He believes that omission cannot be recognized as a condition of an antisocial result. The author uses the relativistic approach to causality to explain the relationship between the failure to fulfill one's professional or official duties and the resulting antisocial consequence. He proves the conditioning relationship in such situations and states the correlation of causation and condition, as well as the limits of understanding causality as an element of the objective aspect of a crime. Apparently, doctrinal controversies affect the law enforcement. The article introduces the latest judicial practice and positions of the courts on the legal content and legal consequences of establishing an indirect, indirect, and mediated causation chain. The category of causality cannot be used for the purposes of criminal law qualification due to the fact that law and natural science have a different understanding of causation. The research questions the significance of forensic medical examinations in cases of iatrogenic crimes in relation to the causal relationship and their assessment by the court. In this article, the issues of causality are considered only for such cases of omission that presuppose a failure to fulfill professional or official duties in a negligent crime. Therefore, the author does not claim to be exclusive of conclusions and proposals. As Academician V. N. Kudryavtsev said, the configuration of chain of causation depends on the corpus delicti or the type of crime.

Keywords: causation, functional relation, qualification of crime, iatrogenic crime, failure to provide medical care, relativism philosophy, case practice

For citation: Radov V. V. Chain of Causation: Omission Committed by the Obligor. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 278–286. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-278-286>

References

1. *Russian criminal law. Vol. 1. General part*, eds. Inogamova-Khegai L. V., Komissarov V. S., Rarog A. I. Moscow: Prospekt, 2006, 520. (In Russ.)
2. Criminal liability and corpus delicti as its basis. Criminal law of Russia. *General part*, ed. Rarog A. I., 3rd ed. Moscow: Eksmo, 2009, 60–79. (In Russ.)

3. E-n. Defence of Prof. Shargorodsky of his PhD Thesis about crimes against the person: [At the All-Union Institute of Legal Sciences]. *Sotsialisticheskaya zakonnost*, 1945, (6): 42–43. (In Russ.)
4. I. G. Causal relation in criminal law (Thesis T. V. Tsereteli): [At the Institute of Law of the Academy of Sciences of the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1949, (9): 69–72. (In Russ.)
5. Malinin V. B. *Causal relation in criminal law: theory and practice*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. St. Petersburg, 1999, 410. (In Russ.)
6. Soktoev Z. B. *Causality in criminal law: theoretical and applied problems*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2014, 408. (In Russ.)
7. Timeiko G. V. *General doctrine of the objective side of the crime*. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1977, 215. (In Russ.)
8. *Criminal law of Russia. A common part*, ed. Kapinus O. S., 2nd ed. Moscow: Yurait, 2019, 704. (In Russ.)
9. Kudryavtsev V. N. Malinin V. B. Causal relation in criminal law. St. Petersburg: "Iuridicheskii tsentr Press", 2000, 315. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2002, (2): 254–256. (In Russ.)
10. Borzenkov V. G. Causality. *Philosophical Dictionary*, ed. Frolov I. T., 7th ed. Moscow: Respublika, 2001, 463–464. (In Russ.)
11. Holbach P. H. *Selected works in two volumes*, ed. Momdzhian Kh. N. Moscow: Sotsekgiz, 1963, vol. 1, 715. (In Russ.)
12. Arefeva G. S., Butenko A. P., Zotov A. F. *Dialectical and historical materialism*, ed. Kovalev S. M., 4th ed. Moscow: Politizdat, 1971, 367. (In Russ.)
13. Beklemishev L. D. Gödel's incompleteness theorems and the limits of their applicability. I. *Russian Math. Surveys*, 2010, 65(5): 61–106. (In Russ.) DOI: 10.4213/rm9378
14. Chestnov I. L. *Postclassical theory of law*. St. Petersburg: ALEF-Press, 2012, 649. (In Russ.)
15. Zimireva L. A. *Causal relation in crimes against life*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2016, 228. (In Russ.)
16. Zimireva L. A. On the impact of intervening events on the development of cause and effect link. *Ugolovnoe pravo*, 2015, (1): 54–58. (In Russ.)
17. Loifman I. Ia. *Spirit of dialectics (theoretical and methodological problems)*. Ekaterinburg: UrGU, 2000, 104. (In Russ.)
18. Aristotle. *Metaphysics*, trs. Pervov P. D., Rozanov V. V. Moscow: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006, 227. (In Russ.)
19. Boldachev A. V. *Temporality and philosophy of absolute relativism*. Moscow: URSS; LENAND, 2011, 223. (In Russ.)
20. Malinin V. B. *Causal relation in criminal law*. St. Petersburg: Iurid. tsentr Press, 2000, 315. (In Russ.)
21. Meleshko D. A. The death of a person as a classifying element of negligence of child protection officials. *Ugolovnoe pravo*, 2017, (5): 77–80. (In Russ.)
22. Golik Iu. V. Philosophy of criminal law: modern formulation of the problem. *Philosophy of criminal law*, comps. Golik Iu. V., Golik A. Iu. St. Petersburg: Iurid. tsentr Press, 2004, 6–52. (In Russ.)
23. Timeiko G. V. *Problems of the general doctrine of the objective side of the crime*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1986, 44. (In Russ.)
24. Dage P. S. Causal relationship in crimes committed by negligence. *Voprosy borby s prestupnostiu*, 1981, (34): 28–37. (In Russ.)
25. Muzyka A. A., Bagirov S. R. *Causal relationship: criminal law sketch*. Khmel'nitsky: Izd-vo Khmel'nitskogo universiteta upravleniia i prava, 2009, 112. (In Russ.)
26. Sergeevskii N. D. About the meaning of the causal relationship in criminal law. Pt. I: The theory of causation and its significance in criminal law. *Vestnik of Demidov's Law Lyceum*. Yaroslavl, 1880, book 21, 1–130. (In Russ.)